

С УЩЕСТВУЕТ ЛИ МИР БЕЗ НАБЛЮДАТЕЛЯ?

Александр Юрьевич Антоновский — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.
E-mail: antonovski@hotmail.com

Alexander A. Antonovski — PhD, senior researcher at the department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS.

IS THERE THE WORLD WITHOUT AN OBSERVER?

Много предметов фигурирует в статье А.Л. Никифорова. «Удар грома», «любовь», «бабочки», «комары» и «улыбка Джокобды». Не удивительно ли то обстоятельство, что об этих предметах речь в статье как раз и не идет? Речь вовсе не о предметах, а о высоко абстрактном эпистемологическом представлении — о том, как данные восприятия предмета соответствуют его объективным характеристикам. Это обстоятельство *прямого несоответствия*, а точнее говоря, произвольности¹ в связи между референциями к предметам («бабочкам» и «комарам») и конечными смыслами высказываний о бабочках и комарах, как мы покажем, играет ключевую роль в понимании переистолковываемых А.Л. Никифоровым понятий *смысла, интерпретации, мирового элемента, трехслойного смыслового контекста* и верховной категории *мира*.

О понятии смысла. У А.Л. Никифорова отношение между словом и предметом квалификация по-разному. Одно из них получает название «осмысленность». Именно смысл, таким образом, оказывается достижением сознания, связывающим восприятие и его источник. Затем это отношение «осмысленности» уточняется через понятие «интерпретации». Так, содержание понятия *смысла* у А.Л. Никифорова редуцировано к способности моментального распознавания предмета: «Ударившись о край стола, я не гадаю о том, что это острое вонзилось в мой бок, а сразу понимаю, что это — стол». Так понятийный смысл предстает в виде некоего предварительного знания, которое сформировалось раньше и сформировало контекст, в котором «помещаются» все новые и новые восприятия. Какую же позицию в рамках традиционно-конкурирующих онтоэпистемологических доктрины мы можем теперь приписать А.Л. Никифорову? Если исходить из того, что в вопросе связи восприятия и его источника конкурируют главным образом доктрина «репрезентативизма» и «конструктивизма», то позиция А.Л. Никифорова может интерпретироваться скорее как конструктивистская. Ведь не сам предмет, согласно автору, определяет форму восприятия, а предварительное знание определяет возмож-

¹ О «произвольности» связи означаемого и означающего см.: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики.

ности конструирования нового знания. Эта позиция, как известно, разрабатывалась в прагматистской концепции истинности².

В этом контексте вместо понятий противостоящих и корреспондирующих друг с другом *субъекта восприятия и объекта восприятия* А.Л. Никифоров склонен вслед за Махом использовать некоторое — объединяющее оба полюса — понятие ощущений как базовые элементы мира, как «сплав субъективного с объективным».

Конструктивизм Никифорова выражен в тенденции усматривать единство в различности тех или иных предметностей: так, ощущение выступает у Никифорова некой формой, имеющей *две стороны*. Одна определена возмущениями извне («электромагнитные волны, тепловые и химические воздействия»), другая представлена внутренними достижениями сознания, состоящими в *интерпретации* внешних воздействий.

О понятии ощущения. Со всем, что говорилось до сих пор, можно соглашаться как с чем-то очевидным. Упрекнуть А.Л. Никифорова можно лишь в некоторой недостаточной радикальности его конструктивизма. Если признавать ощущения некими сингулярными, пусть и расщепленными элементами мира, то невозможно не указать на инстанцию, которая производит это расщепление. Никакое различие не может быть зафиксировано, если не указать на того, кто же использует это различие как ключевой инструмент наблюдения. И именно здесь в аргументации автора можно увидеть непроработанность. Кто все-таки выступает наблюдателем предметов? Человек? Психика? Конкретный орган восприятия? Язык? Коммуникация? Сам ментальный акт? Элементарное высказывание? Очевидно, что предмет в каком-то смысле реферруется каждым из означенных претендентов на инстанцию наблюдателя предметности. И каждый раз, когда мы говорим о предмете, мы должны, по-видимому, указать на наблюдательную перспективу, в которой представлен данный предмет. Позже мы вернемся к проблеме наблюдателя предмета.

² В этом смысле У. Джеймс говорит о «ретроактивной валидации» знания, но не о соответствии (корреспонденции) образа восприятия и реального объекта. В своем примере с восприятием собаки он отказывается от утверждения о том, что полученный в ходе восприятия образ собаки соответствует самой собаке. Процесс восприятия, напротив, состоит в том, что представления о некоем пушистом существе, данном воспринимающему издали, постепенно по мере приближения к ней конкретизируются в каждом следующем познавательном акте, постепенно трансформируясь в окончательный образ конкретной собаки. В этом примере — понятие знания (понятное как последовательность конкретизирующихся переживаний) оказывается более фундаментальным, чем понятия знающего субъекта и познаваемого объекта. Познание предстает лишь как *последовательность рецепций*. Только в конце этого пути формируется фикция познающего субъекта, как будто бы знающего то, что то, что он представлял ранее как неясный смутный образ пушистого существа, действительно «известно» ему как собака [James, W. *Essays in Radical Empiricism*. University of Nebraska, 1996. P. 198]. Позднее этот пример использован Бруно Латуром в его концепции «знания как способа существования реальности» [Latour B. *A Textbook Case Revisited — Knowledge as a Mode of Existence // The Handbook of Science and Technology Studies*. L., 2008. P. 83–113.

О понятии интерпретации. У А.Л. Никифорова явным образом присутствуют лишь две из возможных наблюдательных перспектив предметностей, а именно языковая и перцептивная. При этом даже перцептивной перспективе наблюдения (= способности саморасщепления ощущения на его внутреннюю сторону, и неизоморфный этому ощущаемому образу внешний предметный полюс) вменяется способность интерпретации! Именно этот аргумент представляется мне в высшей степени дискуссионным. Другими словами, понятие интерпретации получает чрезмерно расширительную интерпретацию. Теперь оно характеризует не только смысловые отношения между высказываниями языка, где одно высказывание как бы высвечивает особенный или частный смысл другого высказывания и оставляет без внимания его альтернативные смыслы. У Никифорова интерпретация в ее расширенном истолковании характеризует помимо прочего и отношение между восприятием (т.е. некоторым неязыковым, физиологическим процессом) и самим предметом как источником этого восприятия.

Эти два типа отношений, с одной стороны, между наблюдательной перспективой восприятия и реферируемой им предметностью и, с другой стороны, между внутриязыковыми реляциями (т.е. отношениями между самими высказываниями, которые только и могут истолковываться как интерпретация) представляются мне слишком различающимися, чтобы применять к ним общее понятие интерпретации. Уравнивать эти два отношения под общим суперпонятием интерпретации означает недооценивать радикальный разрыв между двумя типами наблюдения (и соответственно двумя типами смысловых систем — психической и коммуникативной). Именно за понятием интерпретации, с моей точки зрения, должно быть зарезервировано коммуникативно-языковое достижение особого типа, которое и обеспечиваются означенным выше произвольным характером связи означаемого и означающего (Ф. де Соссюр).

Это отношение потому и является произвольным и, как следствие, обеспечивает процесс свободного конструирования, что может принимать конкретные формы в виде двух противоположных, но равно допустимых процессов: спецификации и генерализации³. Языковое представление данных восприятия выступает таким образом в виде отношения *самореференция/инореференция*, т.е. предстает относительно произвольным выбором между указаниями на *коммуникативную* значимость высказывания, и на некую внешнемировую (= «объективную») референцию, способную выступать более значимым ориентиром для высказывания, нежели его коммуникативная функция. Так, предложение «Снег бел» может выступать в роли тривиаль-

³ Каждому слову можно уподобить множество предметов (генерализация), а каждый предмет может представляться различными словами (спецификация). См.: *Думан Н.* Медиа коммуникации. М.: Логос, 2006.

ной констатации объективного положения дел, если снег действительно бел. Но это может быть и аргументом в споре (при отсутствии какого-либо актуального белого снега за окном). Например, в споре о том, насколько снег еще может или должен (или уже не может) рассматриваться как белый (а значит — чистый) в современной экологической ситуации. Это может быть и неким призывом, мотивом выйти из дома и полюбоваться природой и т.д., и т.п. Такое отношение между высказываниями языка и данными восприятия всегда предстает как структурное сопряжение систем психики и систем коммуникации. Все, что *говорится* о данных восприятия, не только произносится (представлено коммуникативно), но и переживается (представлено в виде ментального акта).

Напротив, интерпретация в подлинном смысле слова всегда имеет место исключительно в рамках второго отношения, всегда является внутренним достижением в рамках коммуникативных систем.

Этот радикальный разрыв игнорируется А.Л. Никифоровым, а понятие интерпретации сводится к понятию простой индикации чего-то данного наблюдателю, но данного не так, как оно существует на самом деле: «Слово “интерпретация” мы можем использовать здесь в его точном логическом смысле». Но «точно так же наши органы чувств интерпретируют внешние воздействия, соотнося с ними ощущения и восприятия. И как высказывание «Снег бел» не имеет ничего общего с буквой «А», так и ощущение цвета, запаха, вкуса не имеет ничего общего с тем воздействием, которое его вызвало», причем «рассмотрение ощущений как интерпретаций подразумевает существование внешнего мира, оказывающего воздействия». Здесь свою конструктивистскую позицию автор незаметно меняет на позицию репрезентативизма. Существование внешнего мира он доказывает на основании его презентированности в восприятии!

Эта позиция, конечно, не может обосновываться не парадоксально. Как быть, например, с ощущением того, что я ничего не ощущаю? Но дело даже не столько в этом. Аргумент Никифорова в пользу применения понятия интерпретации для характеристики отношения языка и данных восприятия изначально строился на том, что в обоих случаях отсутствуют отношения подобия. Высказывание и объект высказывания как-то не очень похожи друг на друга (не *изоморфны* и не *гомоморфны*, хотя последнее слово, я знаю, вызовет неодобрение А.Л. Никифорова). И все-таки в первом из отношений (между высказыванием и данными восприятия) таковая «неизоморфность» представляется гораздо более явной, очевидной, а связь между ними более произвольной. Ведь увидев и пережив нечто красное, мы можем использовать самые разные слова языка — «яркое», «цветное», «интересное», «вызывающее» и т.д. Лишь фантазия служит ограничением в выборе слов языка. В принципе данное восприятие можно было бы

даже назвать и зеленым (чем и занимаются аналитики начиная с небезызвестного экспериментатора Мэри).

Напротив, в том, что касается отношения второго типа, т.е. случая подлинной интерпретации, последняя всегда задается некоторыми рамками или, лучше сказать, полюсами, а именно, с одной стороны, коммуникативно-значимыми, и с другой — внешнемировым (информационно-значимыми) ориентирами (= ограничителями) интерпретации. Интерпретация в этом смысле всегда осциллирует между Сциллой информативности и Харибдой коммуникативности: все, что говорится, говорится либо с целью дескриптивной референции внешних реалий (когда сообщают о чем-то новом, интересном и неизвестном), либо с целью оказать влияние на самую актуальную коммуникацию, изменить ее течение, воздействовать на собеседника, уточнить намерение. Так и мой ответ-высказывание Никифорову можно интерпретировать с точки зрения информирования читателя о некотором лучшем понимании проблемы. Хотя всегда остается возможность проинтерпретировать представленный текст и с этой точки зрения убедить другого в своей правоте, ответить на предложенный коммуникативный вызов, истолковать его из перспективы моего желания опубликоваться в авторитетном журнале, доказать свой приоритет в разработке проблемы безотносительно к тому, как обстоит дело с понятием интерпретации на самом деле. Займи Никифоров предложенную мной здесь позицию, я бы, возможно, предложил иное понимание и аргументы.

О понятии мирового элемента. Однако такое расширение понятия интерпретации на процесс восприятия интересно Никифорову не само себе. Оно позволяет ему переистолковать идею Маха и предложить понятие собственного онтологического элемента мира.

«Теперь мы можем дополнить анализ Маха и сказать, что элементы мира представляют собой сплав внешнего воздействия с его интерпретацией посредством органов чувств и языка, т.е.: *Элемент мира = внешнее воздействие + чувственная интерпретация + вербальная интерпретация*», — пишет Никифоров.

Мой упрек в отношении этой схемы состоит в том, что в ней отсутствует наблюдатель и, как следствие, не учитывается так или иная особенная наблюдательная перспектива. Если элемент мира является составным, то кто его разделил на части? Кто в большей степени апеллирует к «внешнему воздействию»? Кому интересно сосредоточиться на внутренней стороне элемента, т.е. на чувственной составляющей в интерпретации внешнего воздействия? Ведь различающийся интерес к тому или иному полюсу «элемента мира» возможен в равной мере! Так, если пациент на приеме у врача говорит «Мне больно», то пациент, конечно, апеллирует к внешнему воздействию как самому значимому производителю возникающего «элемента ми-

ра». Между тем врач вполне себе может заявить: «Тебе не должно быть больно, ведь я ввел анестезию, это лишь твоя гипертрофированная “чувственная интерпретация” и “вытекающая вербальная реакция”, тебе лишь слегка некомфортно». Поэтому в придуманную Никифоровом онтологическую схему элемента мира я бы добавил еще и эпистемический полюс. То, что кажется «большим» в одной наблюдательной перспективе, в другой таковым не представляется. Ведь (в нашем примере) мы не можем зафиксировать однозначно связь ощущение/высказывание, пока не укажем то, в какой наблюдательной перспективе (врача или пациента) эта связь получает актуализацию.

О смысловых контекстах слова. Впрочем, нельзя сказать, что конструирование онтологической схемы мировых элементов является основным интересом Никифорова. Эта схема позволяет ему ввести в рассмотрение главный предмет своего интереса — знание и познания. Так, реконструкция познавательной активности предполагает фиксацию *трех смысловых контекстов* всякого слова (и, вероятно, также высказывания о предмете). Так, всякое слово осмысленно в контексте некоего общезначимого знания, определено в контексте знания, специфического для некоторой национальной культуры, а также способно выразить некоторое личное переживание индивида.

Зададимся, однако, вопросом о том, чем собственно вызван и обоснован этот выбор *именно трех* смысловых измерений вербальных высказываний, в котором каждое слово получает то или иное значение? Почему вводится переменная национальной культуры, но не вводится переменная референтной группы или городского диалекта (вспомним сакраментальные дистинкции булка/батон и подъезд/парадная)? Этот выбор горизонтов смысла, очевидно, методологически произволен. Почему, например, не учитывается перспектива Другого, скажем, партнера по коммуникации? Ведь Ego может использовать слово в том смысле, в каком его понимает некоторый Другой, в личностном горизонте которого за этим словом закреплены некоторые идосинкразийные личностные переживания. Почему не вводится «историческое» измерение? Ведь читая старинные тексты, индивид способен прийти к пониманию того, что то или иное слово в прошлом означало нечто иное (так, и слово «индивид» прежде не означало свойство особи, но указывало на свойство неделимости, а слово «оригинальность» не имело современного смысла новосозданного, а указывало на некую связь с источником происхождения — оригиналом). Никифоров, видимо, вынужден сужать контекст смыслов, ведь в противном случае связь слова и смысла станет избыточно произвольной (каковой она и является на самом деле) и тогда связь слово/переживание нельзя будет называть интерпретацией (каковой она и не является на самом деле).

О понятии мира. Поэтому-то, переходя к своему заключительному понятию *мира*, Никифоров истолковывает его вовсе не с точки зрения своей контекстуально-трехслойной смысловой структуры слов (что было бы ожидаемым), но делает это *ad hoc*: путем неожиданного введения дополнительного «научного измерения» высказываний, хотя этот смысловой контекст слов первоначально не вводился как онтологически данный.

На мой взгляд, гораздо логичнее было бы зарезервировать за понятием *мира* ту сферу, которая объединяла бы все контексты слов, как, впрочем, и то, что в эти контексты не входит, а именно: сферу самих слов как равноправных составляющих мира наряду с обозначаемыми ими предметами. Мир в этом случае предстал бы и как реальность культуры (все те предметы, которые обозначают слова некоторого национального языка с культурно-заданными смыслами), и как реальность личностных переживаний (включал бы в себя индивидуальные значения — слов все предметы, данные индивидуальным сознаниям) и, безусловно, вбирал бы в себя саму синтаксически-семантическую реальность: сами слова и их смыслы (дефиниции, дескрипции и т.д., отличные от значений-денотатов). В это понятие мира пришлось бы включить и все то, на что *не* указывают слова и высказывания, все то, что остается за пределами слов и их значений.

Из заявленной А.Л. Никифоровым трехконтекстной смысловой структуры слова не вытекает и предлагаемой им заключительной картины крайнего релятивизма и несовпадений субмиров науки, жизненного мира человека, масс-медийных представлений, мира национальной культурной традиции. Картина была бы более консистентной, если бы мы утвердили схему элементов мира, *включающего и самого наблюдателя этого мира*. Тогда в отношении каждого субмира можно было бы указать и на конкретного наблюдателя, выделяющего в своей зоне обзора собственные предметы интереса, пользующегося своими собственными инструментами наблюдения. В этом случае субмир науки предстал бы сферой наблюдения посредством инструментальных дистинкций (прежде всего истины и лжи, знания/незнания, научного/ненаучного). Такого рода инструменты собственно служат для выбора значимых объектов наблюдения (в данном случае актуального научного знания) и отклонения всего остального, выпадающего на долю других не менее значимых сфер наблюдения — национальной культуры (с ее различением культурно-значимого и незначимого), религии (с ее различением веры и не соответствующего вере), индивидуального жизненного мира (с его различением актуальных и потенциальных регионов достижимости в смысле А. Шюца).

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ОБЪЕКТЫ МИРА БЕЗ ЯЗЫКА?¹

Екатерина Васильевна Вострикова — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.
E-mail: katerina-vos@mail.ru

Ekaterina V. Vostrikova — PhD, research fellow at the department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS.

ARE THERE ANY OBJECTS OF THE WORLD WITHOUT THE LANGUAGE?

А.Л. Никифоров в своей статье описывает простую модель человеческого восприятия мира. Согласно этой модели, в восприятии нам дан лишь сплошной поток чувственных данных, в котором не выделяются отдельные предметы. Способность выделять среди этого потока осмысленные предметы возникает благодаря языку. Благодаря понятиям, обозначаемым выражениями языка, мы различаем столы, деревья и другие объекты окружающего мира.

Тот факт, что наше представление об объектах может зависеть от языка, отчасти подтверждается современными исследованиями в области языкознания. Например, разные языки относят разные существительные к классу исчисляемых. В русском языке «новость» является исчисляемым («три новости»), а в английском неисчисляемым, т.е. не выделяется в качестве объектов, которые можно посчитать.

Однако модель, предложенная в обсуждаемой статье, представляется существенно упрощенной. В частности, возникает такой вопрос: откуда берется сам язык и каким образом слова приобретают свое значение (свое предметное значение), если существует лишь поток чувственных данных? Автор не предлагает ответа на данный вопрос. Ведь если для того, чтобы сформировать объекты из потока чувственных данных, нам нужен язык, то означает ли это, что понятия или объекты, на которые указывают языковые выражения, не конструируются на основе опыта?

И если они не происходят из опыта, являются ли они врожденными?

В рамках современной генеративной лингвистики считается, что врожденной является способность к языку, но не сам язык. В лингвистике принято проводить различие между функциональными и лексическими элементами. Функциональные элементы — это такие выражения, как «и», «если», «каждый», «может быть». Класс этих выражений ограничен в каждом языке и новые выражения такого рода не могут быть добавлены или заимствованы из

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 15-03-00872.